

Artykuły teoretyczne i historyczne

Теоретические и исторические статьи

Татьяна В. Казарова

Московский городской педагогический университет

Ценностный вакуум как особенность глобальной цивилизации

Próżnia wartościowa jako właściwość cywilizacji globalnej

Vacuum – пустота, пространство, свободное от вещества. Физический вакуум – энергетическое состояние квантового поля, обладающего нулевым импульсом. Квантовая теория поля утверждает, что в согласии с принципом неопределенности в физическом вакууме постоянно рождаются и исчезают виртуальные частицы.

Дефиниция вакуума приведена здесь потому, что содержание данного понятия весьма точно отражает аксиологическую специфику формирующейся глобальной цивилизации. Ценностный вакуум – это вовсе не отсутствие ценностей, это более сложный культурный феномен, суть которого является предметом данной статьи.

Формирование глобальной цивилизации первым предсказал А. Тойнби в своем исследовании «Постижение истории». Как известно, он полагал, что основой глобальной цивилизации станет единая религия и представленная в ней система ценностей объединит нации и народы, явившись тем духовным фактором, который позволит реализоваться онтологическому единству человечества. Кстати, цивилизацию А. Тойнби понимал как сообщество с характерным для него типом хозяйства, организацией власти и культурой. Ценности культуры, согласно его концепции, являются конституирующим признаком цивилизации, именно благодаря ним цивилизация является целостной, сохраняет устойчивость и способна продуктивно решать возникающие проблемы. Но в культуре цивилизации обязательно должны быть цен-

ности, которые разделяют все группы и страты сообщества, все представители массы и элиты. Если ценностное единство общества разрушается и каждый индивид (и каждая группа) ориентируется только на личные или групповые интересы, то это приводит к постепенной деградации цивилизации, заканчивающейся ее упадком. Так Тойнби объяснял причину гибели локальных цивилизаций.

Предсказанная британским историком глобальная цивилизация интенсивно формируется уже почти полвека, и в любом исследовании процесса глобализации можно встретить описание ее феноменов. Это образование всемирного рынка финансов, товаров и услуг, или мировой экономики; выход бизнеса за национальные рамки посредством формирования ТНК и его неподконтрольность со стороны национальных государств; становление глобального информационного пространства, обеспечивающего осуществление любых видов деятельности в реальном масштабе времени; формирование межгосударственных политико-экономических организаций и соответствующих политико-правовых институтов. Немаловажным признаком глобальной цивилизации является международное разделение труда. В экономической сфере глобализация завершилась, и сегодня следует признать, что мировое хозяйство является основой глобальной цивилизации, а мы все связаны друг с другом как участники глобального рыночного производства, существуя в едином экономическом пространстве. Одним из первых, кто рассматривал глобализацию как институционализацию мирового рынка, созданного экономикой капитализма, *неизбежно имеющего глобальный характер*, был И. Валлерстайн. Он говорил о капитализме как моторе глобализации, ввел в обиход понятие «мировая система». До Валлерстайна об интеграционной функции капитализма и его наднациональном характере писал Ф. Энгельс.

Итак, глобальная цивилизация формируется на основе экономической интеграции человечества, и рыночные технологии являются главным механизмом социального управления в глобальном масштабе. «Экономика становится не просто способом хозяйствования, но и политикой, и даже идеологией нового мира. Реально складывающийся мировой порядок все более проявляет себя как *Rex Economicus*¹. Этой мысли российского ученого А.И. Неклесса созвучна идея американца А. Аппадурай об основных прыжках (*capes*), характерных для современного мира: это *technocapes* – не признающее государственных границ движение технологий; *financescapes* – движение громадных денежных сумм через валютные биржи и спекулятивные сделки минуя национальные границы; *mediascapes* – распределение возможностей производства и передачи информации.

¹ А.И. Неклесса, Конец цивилизации или Зигзаг истории // Знамя 1998, № 1, с. 169.

Но если экономическое и информационное пространство характеризуются относительной гомогенностью, то культурное пространство формирующейся глобальной цивилизации отличается, по утверждению большинства культурологов, «мозаичностью», гетерогенностью и полимерностью. Эти особенности проявляются во всех феноменах современной культуры, но наиболее выразительны они в ценностной сфере.

В традиционных обществах с присущей им дискредитацией личностной автономии каждый индивид автоматически усваивал ценности своего сословия и религиозной культуры. Традиционное культурное сознание содержало систему ценностных представлений и понятий, в которых фиксировались устойчивые, абсолютные значения феноменов коллективного человеческого бытия, желательных и идеальных, действительных и возможных – феноменов, свидетельствующих об органическом единстве структур универсального бытия. Ценности постулировались как обладающие онтологическим статусом и существовали независимо от воли и сознания отдельного индивидуума в языке культуры. Опираясь на эти понятия, усвоенные в процессе инкультурации, традиционный человек оценивал цели и средства своей и чужой деятельности, качества и свойства, проявляющиеся в ней, события социальной жизни. В каждом этническом и цивилизационном культурном контексте содержание ценностных понятий носило абсолютный, метафизический характер, а сама аксиологическая система строилась по дихотомическому принципу, т.е. каждой ценности противопоставлялась антиценность (добро и зло, красота и безобразие, истина и ложь, мужество и трусость, подлость и благородство и т.п.). Из системы ценностей дедуцировались нормы, регулирующие поведение человека. Нормы традиционного этоса также тяготеют к абсолютизации «единственно верной» модели деятельности и поведения, что определяло консервативность, статичность культуры. Сакрализация ценностно-нормативного комплекса – специфическая черта культуры традиционного общества.

В культуре индустриальной цивилизации, сложившейся к концу XIX века в Западной Европе, ценности уже понимаются как цели субъекта (коллективного и индивидуального), как предмет его потребности, как «то, чего мы желаем и то, что доставляет нам удовольствие» (Р. Лотце). Ценности, таким образом, определяются субъектами деятельности, а их содержание более не отражает метафизические сущности и носит релятивный характер. Тогда же, в XIX веке обозначается специальная область философии, занимающаяся проблемой ценностей – аксиология. Примечательно, что рассуждая о благе, красоте, истине, Боге, добре и зле ни античные философы, ни средневековые не ставили вопрос о природе и характере ценностей, хотя нельзя не вспомнить софистов и знаменитое изречение Протагора «человек есть мера всех вещей», которым противостояли Сократ и Платон, а также стоиков и эпикурейцев эллинистического Рима. Таким образом, природа цен-

ностей – объективная или субъективная – в качестве философской проблемы лишь обозначилась в античной философии, а в средневековой патристике и схоластике ее дискурс был немислим в виду теократического характера мировоззрения. Но в философии Ренессанса она весьма интересно представлена. Если коротко, то философской рефлексии подлежит не природа и характер ценностей – Бога-Природы – но отношение к ним индивида, его позиционирование в отношении Истины, Добра, Красоты, а также мироздания, Бога, судьбы, предназначения и т.п. Иными словами, утверждая, что человек – центр универсума и способен не только к богоподобному творчеству, но к сотворению себя в качестве разумного деятеля, философия Возрождения рассматривала мироздание независимым от человека с его устремлениями, целями и интересами. И именно мироздание – божественное, одухотворенное, исполненное тайны – являлось ценностью не менее значимой, чем сам человек. Поэтому вопрос о природе ценностей – объективной или субъективной – не обсуждается. Только в XVII веке Т. Гоббс, Д. Локк, Д. Юм, а позже П. Гольбах, К. Гельвеций и др. создают теоретико-методологическую основу деонтологизации ценностей, отстаивая автономию и свободу индивида как действующего социального субъекта. Поскольку, по утверждению Гоббса, «людьми руководят интересы», постольку ценности есть отражение, репрезентация этих интересов.

Показательно, что расцвет философии ценностей и классический период аксиологии (1890–1920) приходится на эпоху модерна. Чем относительно становились в культуре ценностные понятия («добро», «красота», «справедливость», «истина» и др.), тем более актуальными оказывались проблемы природы и характера ценностей, тем больше появлялось философских концепций ценностей. Я позволю себе не останавливаться на аксиологических теориях. Отмечу только, что субъективистская трактовка ценностей (как крайними ее сторонниками – А. Баумгартеном, Г. Когеном, Г. Шварцом, Х. Эренфельсом, позже Ч. Моррисом, К. Льюисом, Дж. Дьюи, Б. Расселом, так и умеренными – Р. Лотце, Ф. Brentano, Дж. Муром, Э. Гуссерлем, Р. Ингарденом) связывает существование ценностей с интенциями индивидуального субъекта. Это могут быть потребности, желания или интересы индивида, волевое целеполагание или особые переживания внутреннего чувства. Б. Рассел со свойственным ему юмором даже связал индивидуальную систему ценностей с вкусовыми симпатиями. Кстати, именно субъективистская трактовка ценностей возобладала в дискуссиях об их природе, «объективисты» (В. Виндельбандт, Г. Риккерт, М. Шелер, Н. Гартман и др.) оказались в меньшинстве. Концепции субъективной природы ценностей достаточно хорошо представлены в философии прагматизма, инструментализма, позитивизма XIX и XX в. Концепция структуры потребностей, разработанная А. Маслоу, нашла свое продолжение в теории иерархии ценностей, ибо ценности интерпретируются преимущественно как предметы потребностей

и цели устремлений личности. Вполне понятна реакция М. Хайдеггера на сложившуюся в аксиологии ситуацию, когда он утверждал, что оценивание тождественно субъективации, которая «оставляет сущему не быть, а – на правах объекта оценки – всего лишь считаться», поэтому выступать против ценностей значит «сопротивляясь субъективации сущего до голого субъекта, открыть для мысли просвет бытийной истины»².

Действительно, если ценности обладают субъективным характером, т.е. определяются субъектом деятельности, а содержание ценностных понятий отражает его цели или интересы и то, что *с его точки зрения* является благом, то оценка любого события или явления, во-первых, неизбежно будет не субъектной, а субъективной. Во-вторых, все, что находится за пределами его вожделений и целей, для него может иметь значение, но при этом не представлять никакой значимости – этакий ценностный солипсизм: «ценности существуют потому, что существую я (или мы)». Поэтому пока философы обсуждали проблему ценностей и ценностных отношений, на историческую арену цивилизации вышел индивид, для которого его партикулярные интересы, желания и цели стали основанием для оценочных суждений и ценностных ориентаций. Ценностное сознание современного человека динамично и диалектично, содержание ценностных представлений носит относительный характер, а система ценностей и их иерархия нередко меняется в течение жизни.

Но необходимо отметить еще одну особенность нынешней аксиологической ситуации. Есть ценности, разделяемые большинством людей независимо от религиозной или национальной идентичности. Эти ценности – семья, любовь, дружба, счастье, жизнь и т.п. Но следует учесть, что для каждого индивидуума значимыми являются *его* семья, *его* любимые и близкие люди, *его* жизнь и счастье. И сколько бы ни объясняли людям, что благополучие их семей и их счастье зависит от благополучия и счастья других, в условиях рыночной экономики, в социально и экономически дифференцированном обществе конкурентная борьба за приватные интересы и ценности – объективная необходимость. Поэтому одинаковые ценности – это вовсе не общие, и они не объединяют людей, а иногда даже провоцируют конфликты.

Деонтологизация ценностей, состоящая в том, что в современном мировоззрении ценности утратили надличностный, метафизический характер, постепенно привела к деаксиологизации культуры, которая проявилась в ценностном релятивизме модерна и ценностном плюрализме постмодерна западноевропейской культуры. В общественной психологии социалистического индустриального сообщества скептическое отношение к декларируемым идеологией ценностям развивалось стихийно как констатация их фальшивости. Здесь также ценности начали пониматься массовым соз-

² М. Хайдеггер, *Время и бытие*, Москва 1993, с. 212.

нением как репрезентации личных и групповых целей и интересов, что, по сути, означало деонтологизацию ценностных понятий. В современном обществе конституирование ценностей является прерогативой индивидов и социальных групп, при этом ни одна система ценностей не признается общезначимой и необходимой. Ценностный плюрализм – характерная черта современной культуры. «Главная историческая миссия человечества – писал П. Сорокин в 1959 г. – заключается (...) в аккумуляции и осуществлении Истины, Красоты и Добра в природе самого человека, в его сознании и поведении, в человеческом социокультурном универсуме (...)»³. Вместо этого мы видим разрушение этих ценностей, что отчетливо проявляется в следующем. Наука и философия ориентированы не на познание сущностей, а на разработку технологических продуктов и прикладных знаний. Моральная саморегуляция заменяется правовым регулированием, понятие добра – понятием прав и обязанностей, законопослушность выше нравственности. Современное искусство не оперирует понятием красоты. В культурном пространстве современного глобального сообщества не существует ценностных понятий, имеющих универсальную значимость и всеобщность. Зато культурный мир глобальной цивилизации пестрит ценностями разных социальных групп и страт: национальных, этнических, конфессиональных, политических, возрастных, профессиональных, гендерных и т.п. Подобно возникновению виртуальных частиц в физическом вакууме, культура глобальной цивилизации в аксиологическом аспекте представляет хаос «виртуальных», т.е. гипотетических, вероятностных, ценностей. Данная ситуация дает основание говорить о ценностном вакууме.

Кроме того, не следует заблуждаться в отношении безусловной значимости для индивидов групповых ценностей. Рыночно-технологическая природа современной, ставшей глобальной цивилизации определяет специфику практически всех сфер социального бытия, функционирование большинства социальных институтов, а также образ жизни человека и его мышление, которое М. Хайдеггер назвал «калькулирующим». Российский философ В.А. Кутырев определяет современный тип социальности так: «Экономическое общество, экономический человек – не метафоры, а наиболее теоретические понятия для выражения современных форм жизни (...). Экономический центризм – через призму рентабельности рассматривается практически все, что существует»⁴. Поэтому какие бы ценности не провозглашались идеологиями и субкультурами, рыночное мышление индивида «оценит» эти ценности – по курсу доллара, евро, швейцарского франка или юаня. Разумеется, я утрирую ситуацию, но это преувеличение вполне отражает глобальную

³ P.A. Sorokin, *Reply to Professor Weiskopf* in: A. Maslow (ed.), *New Knowledge in Human values*, New York 1959, p. 231.

⁴ В.А. Кутырев, *Человеческое и иное*, Санкт-Петербург 2009, с. 22.

интенцию человека глобального рынка. Среди ученых, исследующих процесс глобализации, существует значительное число оптимистов, полагающих, что рано или поздно на основе диалога культур (в основном речь идет о диалоге Восток-Запад) сложится система «общечеловеческих ценностей», которая и составит духовный фундамент глобальной цивилизации. Однако ни одна ценность, которая действительно отражает общечеловеческие интересы (*мир* как отсутствие войны, *экосистема* планеты, *человеческая жизнь*), сегодня не поддерживается практическими усилиями политиков и бизнесменов. О них упоминают только в политической демагогии. Декларируемые Западом ценности либерализма, демократии, индивидуальной свободы чужды и непостижимы для незападных культур, не соответствуют ментальности и культурной традиции многих народов Земли. Они никогда не станут общечеловеческими. Но есть и другая причина девальвации этих ценностей, которая хорошо известна. Я имею в виду милитаристские акции НАТО под лозунгом утверждения демократии на Балканах и в странах Ближнего Востока. Наконец, самая главная причина неустранимости ценностного вакуума глобальной цивилизации, по крайней мере, в обозримом будущем, состоит в геополитических амбициях и социально-экономическом неравенстве.

На социально-политическом пространстве глобальной цивилизации действуют следующие основные субъекты мирового сообщества, имеющие свои цели и интересы: мировая элита, национальные элиты и национальные сообщества. Выделение национальных элит из национальных сообществ объясняется тем, что нынешние национальные элиты более тесно связаны с мировой элитой, нежели со своим народом. «Новая глобализационная элита представляет собой управляющую группу, которая по составу, качеству, функциям и роли существенно отлична от прежних элит (...). Ее главным занятием становится не прежняя широкая общественная и культурная деятельность, но политика. Точнее говоря, это своего рода микрополитика как целенаправленная деятельность управляющей группы, которая с помощью власти и через влияние на нее осуществляет свои личные интересы, часто противоречащие целям остального общества, его интересам и целям. Качественное и национальное перерождение элиты означает, что она порывает со своей национальной средой и интересами страны, начинает в экономическом, культурном, менеджерском планах обслуживать интересы вненациональной глобализации»⁵. Автор, по сути, прав, подчеркивая отчужденность «глобализировавшейся» элиты от нации, превращение ее в «нечто вроде замкнутого международного клуба со своей корпоративной этикой». Известный российский философ А.С. Панарин еще жестче писал о том же: «Можно говорить о начавшейся мировой гражданской войне между стреми-

⁵ В.И. Самохвалова, *Метафизика глобализации* // Материалы Клуба ученых «Глобальный мир», вып. 11, Москва 2002, с. 41.

тельно глобализирующей элитой и «туземными» народными массами»⁶. По поводу российской элиты он утверждал: «Страной правит глобальная элита, которая уже совершила свое тайное расставание с нацией и не считает «этот» народ своим». Аналогичное суждение можно встретить не только у российских ученых. Автор книги «Странная цивилизация», вышедшей в США, пишет: «В самих США наступит понимание того, что американцев как нацию отдали на заклятие глобальной финансовой мафии. Не может не беспокоить здравомыслящих американцев и структура ВВП США, где виртуальная экономика составляет 80%, а реальная (производство) – 20%»⁷. По поводу происхождения и существования мировой элиты ведутся дискуссии, излагать которые здесь не стоит, но ее ассоциируют именно с немногочисленными владельцами крупного финансового капитала. Тем не менее, мировая элита, вероятно, включающая некоторых представителей национальных элит и возглавляющая «международный клуб элит», периодически собирающийся в Давосе и в иных местах, мне не кажется мифической группой. Следовательно, у нее тоже есть свои цели и интересы. Скорее всего, они состоят в сохранении существующей социально-экономической системы и в эффективности управления глобальной цивилизацией, которое осуществляется посредством сильного воздействия на национальные элиты. Последние же заинтересованы в сохранении политической власти и государственной автономии. Таким образом, даже у тесно взаимосвязанных элит обнаруживается различие интересов и, следовательно, ценностей. Политическая власть, государственная независимость, национальные интересы как ценности национальных элит и объединяют их между собой, и разделяют, продуцируя конфликты – территориальные, геополитические, религиозные.

Современные национальные сообщества являются, преимущественно, полиэтничными и поликонфессиональными. Следовательно, наряду с ценностями, отражающими общенациональные цели и интересы, в культурном пространстве социумов существуют религиозные и этнические ценности. На мой взгляд, актуальность традиционной этнокультуры и ее влияния на формирование идентичности современного человека несколько преувеличена. Если в малых городах и в сельской местности, сохраняющих элементы традиционной бытовой культуры, существуют условия для формирования этнокультурной идентичности, то в крупных городах эти условия отсутствуют. Не только в Европе и Америке, но и в других регионах мира сложился некий унифицированный стиль городской жизни, отличающийся только уровнем технического развития и технологического совершенства. Житель Москвы, Варшавы или Пекина меньше растеряется в Амстердаме или в Нью-Йорке,

⁶ А.С. Панарин, *Искушение глобализмом*, Москва 2003, с. 307.

⁷ В.С. Цаплин, *Странная цивилизация*, пер. с английского, Москва 2006, с. 442.

чем житель деревни, впервые выбравшийся в свою столицу. Как это ни парадоксально, но «локусная» стратификация (город – деревня) сегодня больше влияет на формирование индивидуальной психологии, чем этническая идентификация. Но и она утрачивает свою значимость по мере компьютеризации социального пространства и распространения средств коммуникации. Любому пользователю Интернета необходимо хотя бы минимальное знание английского языка, а образованному человеку язык международного сотрудничества просто необходим. Поэтому так называемое культурное многообразие современного глобального мира связано, в основном, с религиозными контекстами. И взаимоотношение христианства и ислама, а в внутри них – православия и католицизма, шиитов и суннитов не дают основания полагать, что в перспективе возможно объединение церквей и религий. «Можно понять негативное отношение церкви к культурной унификации и национально-этнической ассимиляции, аксиологической вестернизации, но уже сложнее понять, почему многие церковные иерархи негативно оценивают создание и деятельность Всемирного Совета Церквей (...)»⁸. Понять такую позицию можно, если учесть, что у церквей свои экономические и политические интересы в посюстороннем мире. Кроме того, иерархам, вероятно, известно, в чьих интересах действуют международные институты.

Потенциально конфликтны в национальных сообществах отношения между двумя основными социальными стратами – средним классом и низшей стратой неквалифицированных работников и малоимущих, особенно там, где существует ярко выраженная социально-экономическая дифференциация и малоэффективная социальная политика государства. Объединенные общими интересами, а именно сохранением культурной идентичности и национальной независимости, разные страты ориентированы на разные ценности. Средний класс заинтересован в экономической стабильности и либеральной политике, его ценности отражают стремление людей к экономической и политической свободе, потребность в правовой и хозяйственной культуре. Представителей среднего класса, в основном, устраивает существующая социально-экономическая система, а ее издержки, как правило, объясняются частными флуктуациями. Однако по мере нарастания финансово-экономического кризиса, ведущего к удорожанию жизни, сокращению рабочих мест, повышению налогов, в среднем классе постепенно назревает недовольство глобальной экономической политикой. Для низших страт значимыми являются принцип справедливости и равенство возможностей. Техничко-технологический прогресс не разрешил внутренние противоречия капитализма, который стимулировала его стремительное ускорение. «Информационные сети, сети капитала, рабочей силы и рынки по всему

⁸ Е.С. Сердюк, Изменение традиционной религиозности Украинцев в условиях глобализации // ΣΟΦΙΑ. Журнал Философов Славянских Стран 2009, № 9, с. 207.

миру связываются технологиями, полезными функциями, людьми и территориальной доступностью и в то же время делают себя недоступными для населений и территорий, не представляющих ценности и интереса с точки зрения динамики глобального капитализма»⁹. Но политическая активность малоимущего населения в отстаивании своих интересов зависит от социальной политики государства, от масштабов финансовой поддержки этой страны, а также от ряда иных факторов, вроде менталитета или климата.

Рис. 1.

источник: собственная работа

Таким образом, каждый социально-исторический субъект имеет свои интересы, которые афишируются и обосновываются в качестве ценностей. Я уже не говорю о ценностных различиях идейно-политического характера. Когда на улицах Гамбурга неонацисты и антиглобалисты пикетируются между собой, а в Москве выясняют отношения сторонники и противники путинской системы, можно уверенно говорить о нарастающем конфликте ценностей. И все же доминирующими в глобальной цивилизации являются ценностные ориентации массовой потребительской культуры – стремление

⁹ М. Castells, *The Information Age: Economy, Society and Culture*, vol. 1, Malden-Oxford 1996, p. 120.

к удовольствиям, к развлечениям, к комфорту и т.п. Рынок стимулирует развитие этих ориентаций, в результате социальное положение, карьера, наконец, деньги стали распространенными индивидуальными ценностями. Но эти примитивные ценности не только не способствуют кооперации, но и ужесточают конкуренцию в условиях социального и экономического неравенства людей, удельная масса которых на планете давно перешагнула порог Ле Шателье.

Чтобы избежать упреков в односторонности описания современной культурной ситуации, отмечу следующее. Агрессивность глобального рынка и порожденный им ценностный вакуум вызывает сопротивление, объединяющее *людей культуры* из разных стран и регионов мира. Сегодня существуют различные неформальные сообщества, видящие свою миссию в сохранении ценностей культуры, ее этнических, в том числе языковых, и религиозных форм. Именно в данных локусах глобальной цивилизации ценностям возвращают их метафизический характер и объективную природу. Хочется надеяться, что в дискуссиях и спорах будет сохраняться и развиваться человеческая мысль и культура, и благодаря этому окажется возможным возрождение универсальных ценностей Бытия. Однако обнаруживается, насколько трудно в практической коммуникации осуществить идеи диалога, толерантности, интеллектуальной солидарности. Сталкиваются позиции науки и религии, космополитизма и патриотизма, рационализма и иррационализма. Даже в подлинно культурной среде современного социума проявляются индивидуализм и амбициозность, присущие современному человеку.

В условиях глобализации контроль в культурно-информационном пространстве особенно важен для сохранения власти и эффективного управления. В социологической литературе по управлению выделяются две модели управленческой деятельности – «управление умами» и по структуре объекта. И та, и другая модели предполагают использование информации как средство воздействия на человека, но управление по структуре объекта означает целенаправленное формирование у индивида тех потребностей, интересов, установок и ценностных приоритетов, которые отвечают целям управляющей инстанции или субъекта управления. В социальных системах управление по структуре объекта всегда использовалось, но информационные технологии открывают здесь небывалые возможности. В западной социологии культуры уже зафиксирована указанная тенденция. Так, С. Холл отмечает, что благодаря современным технологиям возникает возможность небывалого влияния на общественное сознание в глобальных масштабах, а создание индустрии культуры привело к однородности взглядов и поведения¹⁰. Поэтому деонтологизацию ценностей, которая продолжается в тео-

¹⁰ S. Hall, *The centrality of culture: notes of the cultural revolutions of our Time // Media and culture regulation*, SAGE Publications Ltd., London 1997, p. 21.

ретическом и массовом сознании, можно рассматривать как своеобразную «зачистку» ценностной сферы культуры. Но разрушая систему ценностей локальных культур, идеология глобальной цивилизации не предлагает ничего взамен. Ценностная сфера составляет стержень личности, основу ее бытия: «на том стою и не могу иначе» – такой личностью трудно манипулировать. Легче управлять человеком, у которого система ценностей определяется его обыденными интересами и потребностями, для которого не существует *идеальных* объектов служения и почитания. Не такой ли человек нужен для будущего тотального порядка?

[знаков 28 373]

Przedmiotem artykułu jest próżnia wartościowa w cywilizacji globalnej. Pojęcie „próżnia wartościowa” nie oznacza braku wartości we współczesnym świecie. Istnieje wiele wartości, które określają interesy i cele różnych grup społecznych, lecz nie ma jednej ogólnej wartości. Kultura cywilizacji globalnej to chaos grupowych oraz indywidualnych wartości. Niniejszą sytuację tłumaczy się deontologią wartości w burżuazyjnym światopoglądzie, w którym wartości są związane z interesami oraz celami podmiotu społecznego. Różnorodne podmioty społeczne (np. elity światowe, narodowe, klasa średnia) mają różne interesy, zatem i różne wartości.

słowa kluczowe: interesy, wartości, cywilizacja globalna, próżnia wartościowa

The subject of the article is valuable vacuum in the global civilization. Concept “valuable vacuum” doesn’t mean lack of values. There is a lot of values, which fix interests and aims of different social groups, but there isn’t one general value. The culture of global civilization is a chaos of the groups and individual values. This situation has been explained by the deontology value in bourgeois outlook, when value is connected with interests and aims of social subject. Different social subjects (e.g. world elites, national elites, middle class) have different interests and therefore different values.

keywords: interests, values, global civilization, valuable vacuum